

Пушкиниана

Н.В.Цветкова

А.С.Пушкин и П.А.Вяземский: диалог критиков, поэтов и друзей

В суровую пору ссылки Пушкина в Михайловское (1824-1826 гг.) Петр Андреевич Вяземский - один из самых любимых его адресатов и активных корреспондентов. Со своим другом Пушкин мог говорить в письмах обо всем: о творчестве, о конфликтах с властью, о делах литературных, семейных и интимных. Открытость человека и художника - это главная черта и писем Вяземского. Вот почему их эпистолярному наследию свойственны полная откровенность, крепкие словечки, нецензурные выражения, которые не рассчитаны для глаз посторонних.

Молодого Пушкина многое сближает с Вяземским: глубокое знание французской литературы XVIII в., увлечение поэзией, интерес к проблемам современной русской литературы и ее судьбе, наконец, круг людей, составляющих гордость русской культуры, сыгравших благотворную роль в их жизни. Среди них А.И. Тургенев, Н.М. Карамзин, В.А. Жуковский.

С П. А. Вяземским Пушкин знаком с середины 1910-х г., со времени учебы в Лицее. А с 1815 г. они - члены литературного общества «Арзамас»; защитники карамзинской реформы литературного языка. На протяжении всей жизни Вяземский осознает свою принадлежность к «арзамасскому братству», трагически, особенно после

смерти Пушкина, воспринимая то направление, по которому развивается русская литература.

Вяземский - замечательный поэт пушкинской плеяды. Пушкин ценил некоторые его стихотворения, например «Первый снег», «Уныние». Не случайно эпиграфом к I главе «Евгения Онегина» стала строка из «Первого снега» (1819 г.): «И жить торопится, и чувствовать спешит». Другие стихи Пушкин мог критиковать, подробно разбирая в письмах каждый стих или слово.

Пушкина восхищал блестящий талант Вяземского-критика и полемиста, который был первым из современников, кто написал критические статьи о романтических поэмах Пушкина: «Кавказском пленнике» (1822 г.), «Бахчисарайском фонтане» (1824 г.) и «Цыганах» (1827 г.). «Критические статьи князя Вяземского, - пишет Пушкин, - носят на себе отпечаток ума тонкого, наблюдательного, оригинального. Часто не соглашаешься с его мыслями, но они заставляют мыслить.¹ Любил Пушкин и сочинения Вяземского по истории русской литературы: о Державине, Фонвизине, В.А. Озере и др.

С восхищением о своем друге Пушкин пишет в стихах 1820г.:

Судьба свои дары явить желала в нем,
В счастливом баловне соединив ошибкой
Богатство, знатный род с возвышенным умом
И простодушие с язвительной улыбкой. (II, 15)

Переписка Пушкина и Вяземского дает представление об их дружбе, о широ-

Цветкова Нина Викторовна - кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Псковского пединститута им. С.М.Кирова.

чайших интересах, необыкновенной талантливости в восприятии жизни России: литературной, политической, исторической.

Письма также освещают историю создания самых значительных сочинений Пушкина, над которыми он работал в Михайловском в 1824 - 1826 гг. Например, в них можно проследить историю и особенности работы над самым значительным завершённым произведением Михайловской ссылки - исторической трагедией «Борис Годунов». Так, начатая в октябре-ноябре 1824 г., она активно обсуждается с Вяземским, которому Пушкин сообщает в письме от 13 и 15 сентября 1825 г.: «Сегодня кончил я вторую часть моей трагедии - всех, думаю, будет четыре. Моя Марина славная баба: настоящая Катерина Орлова! Знаешь ее? Не говори, однако ж, этого никому.»² Только Вяземскому Пушкин откровенно может написать о том, что характер Марины Мнишек он создает под впечатлением Екатерины Николаевны Орловой - жены Михаила Федоровича Орлова, декабриста. Екатерина Николаевна - старшая дочь героя войны 1812 г. - генерала Н.Н. Раевского, с которой Пушкин был знаком с юности. В одном из писем он признавался: «Все его дочери - прелесть, старшая - женщина необыкновенная.» Под влиянием Екатерины Орловой - женщины умной, властной и гордой, в трагедии Пушкина, таким образом, не только возникает яркий женский характер, но и живет полной жизнью, движет действие.

С Вяземским в этом же письме обсуждается и другой характер одного из главных героев. «Благодарю тебя и за замечание Карамзина о характере Бориса, - пишет Пушкин - Оно мне очень пригodiлось. Я смотрел на его с политической точки, не замечая поэтической его стороны; я его засажу за евангелие, заставлю читать повесть об Ироде...» (229). Благодаря Вяземскому, который выступает посредником между Карамзиным, автором «Истории Государства Российского», и Пушкиным, характер Бориса Годунова обретает истинно трагическую противоречивость, разносторонность.

В письме к Вяземскому (около 7 ноября 1825 г.) Пушкин будет говорить о других

характерах трагедии, например юродивого или «капитана Маржерота, который все по-матерну бранится» (235).

В этом письме Пушкин делится с Вяземским своим торжеством - завершением работы над «Борисом Годуновым» - победой художника. Здесь и осознание своей поэтической зрелости, своей гениальности: «Поздравляю тебя, моя радость, с романтической трагедией, в ней же первая персона Борис Годунов! Трагедия моя кончена; я перече- л ее вслух, один, и бил в ладоши и кричал, ай да Пушкин, ай да сукин сын!»(235).

Переписка Пушкина и Вяземского интересна как отражение их творческой биографии: например, в письмах можно проследить рождение окончательного текста стихотворения Вяземского «Водопад». Это стихотворение он пишет в Ревеле, откуда 6 августа 1825 г. посылает в письме в Михайловское под названием «Нарвский водопад». Вяземский предполагал отдать его Дельвигу в альманах «Северные цветы». Вот первые две строфы:

- Несись с неукротимым гневом,
Сердитой влаги Властелин,
Над тишиной окрестной ревом
Господствуй, бурный исполин!

Жемчужною, кипящей лавой,
За валом низвергая вал,
Мятежный, дикой, величавый,
Перебегай ступени скал! (214)

Полный текст стихотворения - десять четверостиший. «Я доволен тут одним нравственным применением, но стихи что-то холодны! - откровенно признается автор Пушкину. - Я совсем отвык от стихов. Я говорю, как на иностранном языке: можно угадать мысли и чувства, но нет для слушателей увлечения красноречия»(215). Пушкин отвечал Вяземскому в письме от 14 -15 августа 1825 г.: «Мой милый, поэзия твой родной язык, слышно по выговору, но кто ж виноват, что ты столь же редко говоришь на нем, как дамы 1807-го года на славяно-росском» (218). Далее в письме самым тщательным образом прочитаны каждая строка стихотворения. «Благодарю очень за «Водопад». Давай мутить его сейчас же,

... с гневом

сердитый влаги Властелин

Вла Вла звуки музыкальные, но можно ли, например, сказать о молнии властительница небесного огня? Водопад сам состоит из влаги, как молния сама огонь. Перемены как-нибудь, валяя его с каких-нибудь стремнин, вершин и тому подобное» (218), - доброжелательно, с любовью разбирает стихи Вяземского Пушкин.

Ответное письмо Вяземского из Царского Села от 28 августа и 6 сентября 1825 г. - это разговор поэтов на равных. Вяземский и спорит, и соглашается: «Междоусобные воды: я и сам знал, что это не совсем правильно, и Жуковский тебя подтверждает. ...Позвольте, ваше благородие! Оно не правильно, а все-таки лучше!» (225). Подружески интимно подводил Вяземский итог разговору в письмах о «Водопаде»: «Вбей в голову, что этот весь водопад не что иное, как человек, взбитый внезапную страстию. В этой точке зрения, кажется, все части соглашаются, и все выражения получают une argieure pensee (подоплеку), которая отзывается везде» (225).

По письмам Пушкина и Вяземского времени Михайловской ссылки достаточно полно можно воссоздать литературное движение времени, момент появления «Горя от ума» Грибоедова, поэмы «Войнаровский» Рылеева и его «Дум»... Вот что Пушкин пишет о комедии Грибоедова: «Читал я Чацкого - много ума и смешного в стихах, но во всей комедии ни плана, ни мысли главной, ни истины. Чацкий совсем не умный человек, но Грибоедов очень умен» (194-195). Это хорошо известное высказывание Пушкина, адресованное Вяземскому, относится к 28 января 1825 г. Пишет письмо Пушкин в Тригорском.

А летом того же года Пушкин в письме к Вяземскому сравнивает рылеевского «Войнаровского» с поэмой Козлова «Чернец»: поэма Козлова, по словам Пушкина, «полна чувства и умнее «Войнаровского», но у Рылеева есть более замашки или размашки в слоге». Пушкин выделяет образ палача «с засученными рукавами, за которого... бы дорого дал» (205).

Из этого же письма известно о пушкинской оценке статьи Вяземского «Жуковский. - Пушкин. - О новой пиитике басен», напечатанной в журнале «Московский телеграф».

Для Пушкина это «европейская статья», где есть «вкус и пристрастие дружбы». Вот почему он, восстанавливая «справедливость», уточняет оценки Вяземского: «Я не следствие, а точно ученик его [Жуковского - *Н.Ц.*] и только тем и беру, что не смею сунуться на дорогу его, а бреду проселочной» (205). Пушкин на своего предшественника смотрит как историк литературы, как поэт и как критик: «Никто не имел и не будет иметь слога, равного в могуществе и разнообразии слогу его. В бореньях с трудностью силач необычайный» (205).

В письмах Пушкина и Вяземского периода Михайловской ссылки происходит диалог критиков, а диалог поэтов присутствует в их творчестве. Так, исследователи не раз отмечали влияние на Пушкина стихотворения Вяземского «Первый снег», которое можно выявить в V главе романа «Евгений Онегин». Ее Пушкин писал в Михайловском с января 1826 г. Начинается она описанием зимы, которая предстает в восприятии Татьяны, крестьянина, «дворового мальчика», самого поэта, мальчишек, катающихся на коньках, т.е. она многолика в изображении Пушкина, в отличие от изображения зимы в стихотворении «Первый снег». Вяземский создает образ зимы «как праздник счастливой, полной сил и здоровья молодости». Вот почему после картин зимы в V главе Пушкин полемически вспоминает «другого поэта», т.е. Вяземского:

Но может быть, такого рода
Картины вас не привлекут:
Все это низкая природа;
Изящного не много тут.
Согретый вдохновенья богом,
Другой поэт роскошным слогом
Живописал нам первый снег
И все оттенки зимних нег;
Он вас пленит, я в том уверен,
Рисую в пламенных стихах
Прогулки тайные в санях... (V, 87)
Пушкин в «Евгении Онегине», как

считает исследователь, вступает в соревнование с автором «Первого снега», «добиваясь более широкого и разностороннего изображения картин зимней природы и зимней жизни, взятых с разных точек зрения...»³

Также соревнуется и полемизирует с Вяземским Пушкин в VII главе «Евгения Онегина», которую он писал в Михайловском в 1827 г. (наряду с «Арапом Петра Великого»), в описании дорог, реалистически точном и ироническом:

Теперь у нас дороги плохи,
Мосты забытые гниют,
На станциях клопы да блохи
Заснуть минуты не дают;
Трактиров нет... (V, 133)

К первому стиху Пушкин дает в конце главы сноску на стихотворение Вяземского «Станция», насквозь иронического:

Дороги наши - сад для глаз:
Деревья, с дерном вал, канавы;
Работы много, много славы,
Да жаль, проезда нет подчас... (V, 169)

Влияние «Евгения Онегина» можно заметить в стихотворении Вяземского «Кояска», где так же, как и в романе Пушкина, органически сочетаются и дружеская болтовня, и сатирические бытовые зарисовки, и лирика. И это закономерно, потому что оба поэта, Вяземский и Пушкин, близки в понимании задач русской литературы в 10-20-е гг. XIX в.

Неслучайно Пушкин и Вяземский серьезно думали о создании своего общего печатного издания, при этом каждый из них был постоянным участником журнала, ему по духу до конца не близкого: Вяземский сотрудничал в журнале «Московский телеграф» братьев Полевых; Пушкин - в «Московском вестнике» М.П. Погодина. 9 ноября 1826 г. Пушкин пишет другу из Михайловского в Петербург: «... никогда порядочные литераторы вместе у нас ничего не произведут! Все в одиночку. Полевой, Погодин, Сушков... кто бы ни издавал журнал, все равно. Дело в том, что нам надо завладеть одним журналом и царствовать самовластно и единовластно... Согласись со мной, что ему [Погодину - *Н.Ц.*] невозможно доверить издания журнала, освященного нашими

именами. Впрочем, ничего не ушло. Может быть, не Погодин, а я буду хозяином нового журнала» (254).

Пушкин имеет в виду журнал «Московский вестник», который во время его приезда из Михайловской ссылки в Москву на встречу с Николаем I организовывали молодые литераторы: М.Погодин, Д.Веневитинов, С.Шевырев и др. Он начнет выходить со следующего 1827 г. при активном участии Пушкина, хотя поэт не во всем будет согласен с московскими литераторами. Вяземский в этот период останется по-прежнему сотрудником «Московского телеграфа» Полевого.

Стать во главе журнала Пушкин сможет лишь в 1836 г. в «Современнике», активным участником которого станет Вяземский и другие литераторы пушкинского круга.

А пока Пушкин находится в Михайловской ссылке, друзья активно поддерживают друг друга в разных жизненных обстоятельствах. Пушкин сочувствует горю Вяземских, потерявших малолетнего сына (письмо от второй половины мая 1826 г.). Вяземский помогает Пушкину решить проблему, связанную с лечением аневризма (письмо от конца августа и 6 сентября 1825 г.). До глубины души обеспокоенный постоянными жалобами на аневризм, который для Пушкина был предлогом вырваться из ссылки, Вяземский и не подозревает их истинных причин.

Письма друзей периода июня-июля 1826 г. - свидетельство их глубокого горя в связи со смертью Н.М. Карамзина.

Обсуждения событий 14 декабря 1825 г., которые серьезно затронули и Пушкина, и Вяземского (один исследователь назвал его «декабристом без декабря»), мы не найдем в письмах друзей: они намеренно прерывают свою переписку на два месяца. И все же подавленность настроения и некоторые оговорки, проскальзывающие в их диалоге, позволяют понять, что они были хорошо осведомлены во всех событиях, связанных с судьбой декабристов, вместе их переживали. Например, письмо от конца апреля - начала мая 1826 г. Пушкин начинает так: «Милый мой Вяземский, ты молчишь,

и я молчу; и хорошо делаем - потолкуем когда-нибудь на досуге»(240). В августе этого же года Пушкин как будто проговаривается в письме к Вяземскому: «Еще-таки я все надеюсь на коронацию: повешенные повешены; но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна» (253). К сожалению, пушкинские надежды на Николая I не оправдываются: он ничего не смягчит в приговоре над декабристами и после коронации.

Любовь, доброе расположение к Вяземскому и его семье выражается в замечательных обращениях Пушкина. Иногда он дает им шуточные имена, напоминающие героев русских комедий XVIII в.: «Прощай, князь Вертопрахин, кланяйся княгине Ветроне, которая, надеюсь, выздоровела» (254). Иногда «играет» словом: «Ангел мой Вяземский или пряник мой Вяземский, получил я письмо твоей жены...» (256). Иногда изливается в дружеском послании, приписанном в самом конце письма:

Сатирик и поэт любовный,
Наш Аристип и Асмодей,
Ты не племянник Анны Львовны,
Покойной тетушки моей.
Писатель нежный, тонкий, острый,
Мой дядюшка - не дядя твой,
Но, милый, - музы наши сестры,
Итак, ты все же братец мой. (231)

После ссылки Пушкина друзей объединит литературное сотрудничество, о котором они так мечтали в письмах, в «Литературной газете», разрешение на издание которой Дельвиг получит в 1830 г., а затем будет журнал «Современник». Эти издания объединят писателей пушкинского круга, станут общественной силой против официальной продажной журналистики.

В связи со смертью Пушкина Вяземский перенес сильное потрясение. Он понимал, что гибель поэта - огромная потеря для

всей России. В год смерти Пушкина Вяземский пишет стихотворение «На память»:

Я вас напутствую единым скорбным словом –
Затем, что скорбь моя превыше сил моих;
И, верный памятник сердечных слез и стона,
Вам затвердит одно рыдающий мой стих:
Что яркая звезда с родного небосклона
Внезапно сорвана средь бури роковой,
Что песни лучшие поэзии родной
Внезапно замерли на лире онемелой...

...

Что навсегда умолк любимый наш поэт,
Что скорбь постигла нас, что Пушкина уж нет.⁴

После смерти Пушкина для Вяземского побывать в Михайловском - самое заветное желание. И когда летом 1841 г. Наталья Николаевна Пушкина с детьми живет в псковской деревне, Вяземский к ней в письме сообщает: «смерть мне хочется побывать у вас...»⁵ В другом письме к ней Вяземский признается: «Я еще не теряю надежды явиться к моей помещице...»⁶

Из писем к А. И. Тургеневу известно, что в сентябре 1841 г. Вяземский побывал в Михайловском и Святых Горах. Вот что он писал: «В конце сентября я ездил на поклонение к живой и мертвому, в знакомое тебе Михайловское к Пушкиной. Прожил у нее с неделю, бродил по следам Пушкина и Онегина».⁷

П.В. Нащокину, московскому другу Пушкина, Вяземский сообщал в декабре 1841 г.: «Я провел нынешнюю осень несколько приятных и сладостно-грустных дней в Михайловском, где все исполнено «Онегиным» и Пушкиным. Память о нем свежа и жива в той стороне. Я два раза был на могиле его и каждый раз встречал при ней мужиков и простолюдинов с женами и детьми, толкующих о Пушкине.»⁸

Когда Вяземский возвращался в Царское Село, он еще день побродил по тому Пскову, который любил и знал Пушкин.

Примечания

1. Пушкин А.С. Полное собр. Соч.: В 10 т. Т. VII. Л., 1978. С. 90. (Далее художественные тексты Пушкина цитируются по этому изданию с указанием тома страницы в скобках.)
2. Переписка А.С.Пушкина. Т.I. М., 1982. С. 229. (Далее письма Пушкина и Вяземского цитируются по этому изданию с указанием страницы в тексте.)
3. Фридендер Г.М. Поэтический диалог Пушкина с П.А.Вяземским. // Пушкин. Исследования и материалы. Т. XI. Л., 1983.
4. Вяземский П.А. Стихотворения. Л., 1986. С. 262.
- 5-8. Цитирую по кн.: Ободовская И., Дементьев М. После смерти Пушкина. М., 1980. С. 105.